

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ГРНТИ 03

РЖ реферативный журнал

ISSN 2219-875X

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

2013

1

СЕРИЯ

5

ИСТОРИЯ

ХРИСТОФОРОВ И. А. СУДЬБА РЕФОРМЫ. РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ДО И ПОСЛЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА (1830-1890-е годы). - М.: Собрание, 2011. - 368 с.

Ключевые слова: Россия; вторая половина XIX в.; отмена крепостного права; русское крестьянство; правительственная политика.

В монографии И. А. Христофорова исследуется правительственная политика по отношению к крестьянству в 1830-1890-х годах. Особое внимание уделяется двум сюжетам: эволюция представлений элиты (правительства и общественных кругов) об идеальном крестьянине, а также пути создания институционального ландшафта - административно-правовым реалиям русской деревни, позволяющим понять фундаментальные особенности «Положений» 19 февраля 1861 г. и последующего правительственного курса. Автор монографии исходит из того, что любая попытка проанализировать реформу 1861 г. в соответствии с «линейной» схемой («замысел» - «воплощение») обречена на провал, т.е. уровни «планирования» и «результатов» нельзя изучать изолированно друг от друга. Он также обращает внимание на то, что решение о проведении крестьянской реформы 1861 г. не обязательно основывалось на объективных данных и «осознанной необходимости» перемен, что предопределило оторванность исходных посылок реформаторов от реальности. И.А. Христофоров в целом понимает реформу как длительный процесс, определявшийся «сочетанием идеологических импульсов и инфраструктурной отсталости деревни» (с. 13). Отличительной чертой времени было представление о множественности «исторических времен» для различных социальных слоев, в силу которого крестьяне рассматривались как отдельный мир, противопоставленный миру элиты (с. 114). В частности, это означало необходимость разработки для крестьян особой социально-экономической политики. Ключевую роль в определении параметров реформы должна была сыграть правовая, административная и финансовая инфраструктуры (с. 126).

Прежде всего автор анализирует, как складывалась система контроля государства над крестьянами. В силу сложности процедур,

существовавших в деревне в отношении распределения земли и тягол, изначально общины пользовались автономией в этом вопросе. Когда на рубеже XVIII и XIX вв. у государства появились ресурсы для вмешательства в дела деревни и отношения между крестьянами и помещиками, вопрос об общине оказался ключевым: можно ли использовать ее в качестве инструмента управления крестьянством или же община не заслуживает доверия в силу «непрозрачности и архаичности»? (с. 34). Отношение к общине, изначально положительное, со временем стало критическим. Главной причиной этого было восприятие общины как воплощения крестьянских вековых обычаев, а значит, препятствия для введения в России «рационального» земледелия. Россия в этом смысле, пишет автор, шла в ногу с Европой, где после Наполеоновских войн популярными становились новые управленческие технологии, нацеленные на максимальную регламентацию, рационализацию и контроль. Предполагалось, что с введением межевания и кадастра в деревне будет создан «правильный правовой режим» пользования землей крестьянами - рациональными и постоянно улучшающими наделы, к которым они привязаны. Вместе с тем налицо было отсутствие институтов, которые позволили бы государству установить такой контроль, что особенно ярко проявилось в ключевой сфере взаимодействия государства со своими подданными - фискальной. Отсутствие надежных исполнителей было главным препятствием на пути введения более прозрачных принципов налогообложения и более четкой процедуры сбора налогов (с. 42).

Несмотря на то, что русской элите было свойственно идеализировать крестьянина, не было универсального понимания того, каким должен быть идеальный русский крестьянин. Наиболее распространенным в среде интеллектуальной элиты России был консервативный взгляд на крестьянина, определявшийся признанием необходимости сохранить патерналистскую опеку над ним, положить в основу реформы «историческое прошлое», прежде всего - связь крестьян с землей. Позитивную роль общины сторонники этого взгляда особенно связывали с тем обстоятельством, что она препятствовала пролетаризации и пауперизации крестьян, которые могли привести к социальным потрясениям. Для них «социальная идентификация» русского крестьянина, начавшаяся в 1830-1840-е годы, завершилась

признанием его неразрывной связи с общиной. Однако формировался и романтический взгляд, наиболее отвечавший логике перемен и реформ. Его адепты склонялись к идее правительственного регулирования отношений в деревне и искали союзников в бюрократической среде.

И.А. Христофоров исследует отмену крепостного права с точки зрения преемственности с предшествующей политикой по крестьянскому вопросу, отмечая, что наиболее популярными стали именно программы, вписывавшиеся в парадигму континуитета. В связи с этим автор ставит вопрос о том, являлись ли проблемы и трудности в осуществлении реформы «наследием старого» или «болезнью роста» (с. 102). Одной из важнейших тем для понимания крестьянского вопроса в XIX в. Христофоров считает проведение параллели между государственной и помещичьей деревней. Он подчеркивает, что политика в казенной деревне («киселевский опыт», т.е. реформа государственных крестьян, проводимая в 1837-1841 гг. министром государственных имуществ П.Д. Киселевым) имела значение не только в качестве эксперимента, а ее изучение важно, прежде всего, с точки зрения методов администрирования крестьян (с. 49). Такой опыт учитывался и высоко оценивался рядом деятелей Редакционных комиссий (например, Н.А. Милютиным), однако реформа не заимствовала его полностью, создав собственные институты, наиболее продуктивным из которых был институт мировых посредников. Появление его, самостоятельного и независимого, по идее реформаторов, означало осознание ими невозможности «втиснуть» отмену крепостного права в узкие бюрократические рамки (с. 156). Если киселевская реформа предусматривала строгую государственную регламентацию разверстки податей и выкупной операции, то «Положения 19 февраля» оставляли эти вопросы за сельскими обществами.

Вместе с тем автор ставит вопрос о характере оценки «Киселевского опыта» элитой в период подготовки отмены крепостного права, отмечая в этой связи подчеркнуто негативное отношение в 1850-е годы к заложенным в нем принципам «централизации» и «опеки» (с. 134). Однако Министерство государственных имуществ (МГИ), созданное в 1837 г. в рамках реформы государственных крестьян,

стало платформой не только для разработки новых административно-фискальных технологий управления русской деревней, но и для формирования нового поколения чиновников, которые станут основными деятелями реформы 1861 г. Интересно, что многие из них имели непосредственное отношение к статистике - символу научного знания в Европе XIX в., цель которой виделась в преобразовании общества на началах «нормы». Тем не менее состояние российской статистики оставалось плачевным. Автор отмечает, что тогда как полицейскую статистику можно считать относительно надежной, статистика сельского хозяйства и землевладения отличалась большой произвольностью в силу недобросовестного отношения к сбору данных со стороны ответственных за этот вопрос волостных правлений, станowych приставов и исправников (с. 79).

Процесс подготовки крестьянской реформы, пишет автор, во многом определялся парадоксальным стремлением бюрократической элиты эпохи «оттепели» 1860-х годов следовать принципу *laissez faire* и невмешательства в дела деревни и в то же время разрабатывать новые технологии контроля. В процессе работы Редакционных комиссий, чрезвычайного временного органа, который был создан непосредственно для разработки программы реформы 1861 г., постоянно подчеркивался принцип невмешательства со стороны правительства в дела деревни. Однако, пишет автор, ему полностью противоречил один из основных аспектов реформы - идея нормы, т.е. усреднения наделов (с. 130).

Механизм реализации крестьянской реформы, в основу которого был положен выкуп надела как гарантия сохранения вековой крестьянской оседлости во избежание социальных потрясений, воспринимался элитой как важное звено российской истории, как «мостик», перекинутый из Смутного времени в будущее страны. И ключевая роль в обеспечении этой преемственности отводилась, пишет автор, самодержавной власти (с. 127). За наделение крестьян земельным фондом в качестве залога сохранения крестьянской оседлости выступали идеологически конфликтующие стороны в Редакционных комиссиях - славянофилы и чиновники, группировавшиеся вокруг Н.А. Милютина (с. 146-147). Вместе с тем понятие оседлости подменяло в проектах реформаторов понятие собственности, оставляя

неясным правовой статус наделов.

Редакционные комиссии в процессе работы разделились на две группы - «либеральных бюрократов» и славянофилов-помещиков. Первые были более решительно настроены при обсуждении вопросов об изменении status quo крестьянской общины или помещичьего землевладения. Отсутствие по ряду вопросов единства в среде членов комиссий предопределило недосказанность некоторых ключевых пунктов закона «Положений 19 февраля». Наиболее важными из нерешенных законодательством реформы вопросов Христофоров считает вопрос о статусе крестьянских наделов до и после выкупа (в более широком смысле - о «будущей социально-экономической структуре сельской России»), о путях и темпах «инкорпорирования крестьян в общегражданскую правовую, административную и налоговую систему» (с. 173). Христофоров подчеркивает, что землеустройство также стало одним из наиболее слабо разработанных аспектов реформы, поскольку авторы «Положений 19 февраля» фактически отказались от попыток поставить в контексте отмены крепостного права масштабные землеустроительные задачи, что обуславливалось рядом факторов. Среди важнейших из них автор называет недоверие к бюрократической машине, показавшей свою неэффективность в период проведения «киселевской реформы», отсутствие мощных административных ресурсов, которые понадобились бы для решения многочисленных спорных дел, а также «мода на децентрализаторскую идеологию», предполагавшую минимизировать правительственное вмешательство в местную жизнь (с. 146). Именно этот принцип, пишет Христофоров, стал основанием для введения в рамках реформы крестьянского самоуправления.

В первоначальных планах реформаторов предусматривались обязательный характер выкупа земли и масштабное содействие ему со стороны государства. Впоследствии этот подход был преобразован в выкуп оброка, причем русское правительство не намеревалось спонсировать выкупную операцию. Однако автор не склонен объяснять это обстоятельство исключительно банковским кризисом, а основную причину видит в том, что деятели реформы посчитали, что такой подход «ведет к совершенно нежелательным последствиям». Это сделало вопрос о выкупе неясным и запутанным и негативно

повлияло на другие аспекты реформы - административные, налоговые, правовые (с. 163-164).

Принятие «Положений 19 февраля» поставило вопрос об административно-правовой и хозяйственно-экономической унификации всех податных категорий населения (не только помещичьих, но и государственных и удельных крестьян) в единое «крестьянство», чем и была вызвана реформа государственных крестьян 1866 г. В результате последние получили значительно больше земли, чем помещичьи крестьяне, а оброк оказался намного умереннее.

В силу противоречивости ряда ключевых сторон «Положений 19 февраля» в первые пореформенные годы правительство не имело ни стратегии, ни даже четкого представления о направлении, в котором должна была развиваться крестьянская реформа. Вместе с тем крестьянский вопрос больше не находился исключительно в ведении высшей власти, к его решению подключились местные силы и эксперты: ученые, земцы, публицисты и общественные деятели.

В первые пореформенные десятилетия критики «Положений 19 февраля» считали, что общинный тип хозяйства был причиной отсталости русской деревни и символом «неправильной» крестьянской реформы (с. 254). В 1863-1865 гг. польское восстание, а затем реформа земских и судебных учреждений отвлекли общественное мнение от пристального наблюдения за положением в деревне. На рубеже 1860-1870-х годов аристократическим крылом правительства, ориентировавшимся на западный путь развития, была сформирована программа радикального пересмотра «Положений 19 февраля», однако она предполагала отказ от идеологии патернализма, которая, как пишет автор, была основой самодержавной системы. Взамен же им не удалось предложить ничего, что удовлетворило бы элиту и русское высшее общество. В ответ стала крепнуть тенденция акцентирования тех положений, которые поддерживают «охранительный» курс в деревне. В результате в конце 1870-х годов возросла тревога относительно положения дел в деревне как в общественной, так и бюрократической средах. В 1870- 1880-х годах правительственный взгляд на степень государственного контроля в деревне претерпел изменения в сторону признания необходимости

«опеки» с целью отгородить крестьян от дурных внешних влияний. Таким образом, автор подчеркивает «амбивалентность стратегии реформы», сочетавшей в себе линию «опеки» и линию «невмешательства» (с. 178).

В целом в крестьянской реформе был заключен «колоссальный унификаторский потенциал»: отмена крепостного права предполагала преобразование помещичьей, казенной и удельной деревни, изменения в административно-правовой и судебной системах. Однако столкнувшись с неразвитостью административно-правовой инфраструктуры в деревне, реформаторы пришли к выводу о том, что можно лишь наметить основные параметры реформы, а не проникать слишком глубоко «в социальную ткань» (с. 149). Крестьянский вопрос вообрал в себя, пишет автор, несколько «пластов», каждый из которых по-своему определял пореформенное время. В бюрократической среде продолжались дискуссии о степени опеки и вмешательства в народный быт, о частной и общинной собственности, о роли и значении общины. В то же время часть сановников понимала, что главным препятствием на пути рационализации землепользования была архаичная фискальная система, требовавшая реформирования. Местная власть в ходе осуществления реформы опасалась того, как столичные решения проявятся в местных условиях. Крестьяне были полны страхов и ожиданий, которые зачастую не имели ничего общего с правительственным курсом, а зарождавшееся революционное движение цинично использовало крестьянские настроения в интересах социальной революции.

Т.К. Сазонова